

Маргарита
Южина

Зрелые
Годы
Джультты

Ирония любви

Маргарита Южина
Зрелые годы Джульетты

«Маргарита Южина»

2010

Южина М. Э.

Зрелые годы Джульетты / М. Э. Южина — «Маргарита Южина»,
2010 — (Ирония любви)

Ах, как тяжело прекрасной и тонко чувствующей женщине устроить свою личную жизнь в суровом и безжалостном мире! Тем более если красота ее скорее душевного характера, а возраст как-то незаметно приближается к сороковнику. Но Глафира не унывает. Она чувствует себя настоящей Джульеттой и готова обрушить на не успевшего вовремя скрыться жениха весь свой нерастраченный пыл любви и нежности! В общем, спасайся кто может!

© Южина М. Э., 2010

© Маргарита Южина, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Маргарита Южина

Зрелые годы Джульетты

Глава 1

Скатертью дорога...

– Ромео! Милый мой Ромео!!! – с чувством гаркнула Глафира и без сил рухнула на хлипкий библиотечный стул.

Интеллигентная мебель к проявлению столь бурных театральных эмоций не привыкла. Стул, предательски хрустнув, подкосил ножки, и Глаша со всей дури ухнула на пол. Но это ее ничуть не расстроило – этюд был отыгран, что называется, на разрыв. Все испортила ворвавшаяся в читальный зал тощая и вредная Зинаида Васильевна, начальница Глаши.

– Ну Глафира же Макаровна! – недовольно заговорила она. – Сколько можно?! Я ж вас просила – в рабочее время никаких пошлых призывных кличей не исторгать! У нас приличное заведение!

– А что такого я исторгла? – ворчливо буркнула, вылезая из-под стойки, Глафира. – Я вся в работе, Шекспира, можно сказать, по ролям читаю! Чего вам не сидится там, в своей кону... в своем кабинете? Между прочим, из-за меня одной в этом месяце читателей прибавилось на семь штук!

– Да из-за вас одной нас отсюда скоро выселят! – перешла на визг начальница. – Сейчас ведь опять прибежит жена нашего дворника Ромео Писитдиновича и обвинит всех и вся в домогательствах к ее супругу! А то вы не знаете!

Глаша знала. Сколько раз она репетировала, столько эта жена и прибегала. Прямо удивительно, как она все слышит! Ухо у нее к стене привязано, что ли?

– А потому что нечего называть таким именем кого попало! – фыркнула Глаша. – Ростом с мышь, а туда же – Ромео!

– Да и вы, надо сказать, еще та Джульетта, – язвительно скривилась Зинаида. – Поди-ка уж сороковины справили!

– Сороковины это ж... поминки вроде бы? – испуганно захлопала глазами Глаша.

Зинаида Васильевна поняла, что ляпнула не то, замахала руками, сморщила нос и затараторила:

– В общем, Глафира, хватит! Прекращай мне тут всякие любви разыгрывать! Вот приходи домой и там – можешь стулья крушить, можешь... да хоть об батарею головой бейся, слова не скажу, а здесь чтобы все по рабочему плану было, понятно? И если еще раз услышу...

– Не, ну скоко ж можно мово мужука зазывать, я жутко интересуюсь?! – раздался гневный вопль, и на пороге старенькой библиотеки появилась грозная Маня, супруга тщедушного дворника Ромео Писитдиновича. – Это кто тута опеть семью рушит? Глашка?! Ты опеть?

Глафира ссориться не хотела. А если честно, она попросту боялась скандальной Маньки – та ведь и в лохмы запросто вцепится, ей это раз плюнуть. Потому Глаша мило растянула губы в улыбке и повернулась к начальнице:

– Зинаида Васильевна, так вы говорите, что в зале нужно устроить стенд?

Но Зинаида с еще большей опаской относилась к Маньке и выручать Глашу вовсе не стремилась. Она криво усмехнулась, мстительно качнула головой и спешно удалилась к себе в кабинет, захлопнув дверь и повернув в замке ключ.

– Что вы хотели взять почитать? – не гася улыбки, обратилась Глаша к Маньке с внутренней дрожью. – Настоятельно рекомендую Тургенева, там такие тонкие отношения, такие...

– Вот что, красавишна, – тяжело дыша, облокотилась на стойку Манька. – Это я тебе рекомендую... ежели ты... ишо... хоша бы раз... помянешь мово Ромку, я ить не погляжу, чо у тебя тут книжки везде понасованы, разрисую, как бог черепаху, понятно говорю?

– Понятно, – прилежно кивнула Глаша и нервно сглотнула. – Больше ни-ни... А... не вашего Ромео можно? Помянуть? Вот, к примеру, у Шекспира тоже есть такой один, Ромео, так я его всегда... упоминаю. Его можно?

Манька задумалась на секунду, потом решительно мотнула головой:

– Нет. Того тоже нельзя. А вдруг мой отзовется. Я вот не знаю, кого ты тут кликала, но своо Ромку я уж на пороге догнала, так что зови лучше... Иванушку-дурачка, во! У нас, кстати, сантехник Ванька работает, може и скличешь его, он ради бутылки завсегда прибежит.

– Спасибо... – пробормотала Глаша и подтянула к себе новый стул. Перебирать всех литературных героев с Манькой не хотелось.

И все же домой Глаша неслась в приподнятом настроении. У нее получилось! Роль Джульетты так ей удастся, что даже соседи сбегаются – верят! Надо обязательно сказать Рудику! Теперь-то ему деваться некуда, даст ей роль. Да и в самом деле, сколько можно ее мариновать?

По дороге домой Глаша еще успела заскочить в магазин, чтобы купить хлеба и баночку рыбных консервов – сварит сегодня ухи, глядишь, Рудик и не заметит, что деньги кончились.

– Рудик! Рудо-о-ольф! – крикнула она прямо с порога. – Сейчас я что тебе расскажу!..

Рудольф не отвечал.

– Рудик, ты дома?

Она бросила пакет на кухне и заглянула в комнату: ее гражданский супруг, или по-правильному сожитель, возлежал на диване и угрюмо гипнотизировал взглядом потолок. Видимо, любимый переживал очередной творческий кризис. В такие минуты от Глафиры требовалось максимум заботы, изворотливости и женской мудрости, чтобы не довести мужа до нервного срыва. По опыту Глаша знала, в этом случае очень помогает кусочек красной рыбки и бутылочка пива, но у нее хватило денег только на булку хлеба да банку сайры.

Быстренько переодевшись, Глаша прос-кочила на кухню и заступила на кулинарный пост. Не прошло и тридцати минут, как в кастрюле уже булькала уха, на тарелочке румянились гренки, а на тонком блюде высилась небольшая горка драников – оладий из тертой картошки. Теперь надо было уговорить Рудика отведать кушанья.

Глаша глубоко вздохнула, мельком поправила кудри, одернула платице и шагнула в комнату.

– Рудик! А что я там приготовила! – хитро заблестела она глазами и стала призывно подмигивать.

Рудольф даже не моргнул. Он сочно швыркнул носом и еще суровее сдвинул брови. Глаша невольно им залюбовалась. Нет, все же стоило столько лет жить в одиночестве, чтобы потом, когда надежда совсем исчезнет, получить от судьбы такой вот подарок! Рудик был сказочно красив! Просто божественно! Прямой нос, прекрасные серые глаза, брови эдаким вороньим крылом, узкие, поджатые губы (не какие-то там слюнявые лапти) и волосы – роскошные волны над высоким, чистым лбом! А если еще учесть талант Рудольфа! Глаша даже сейчас, спустя два года после того как любимый к ней перебрался, до конца не могла поверить в такое счастье.

– Руди-и-ик, а кто пойдет кушать, а? Кого там рыбка ждет? – медовым голосом пропела Глаша. – Рыбка глазками водит, смотрит – когда же ее Рудик кушать придет?

– Так ты что, рыбе даже глаза не вытащила? – недовольно глянул на Глашу Рудик. – То есть я буду уху есть, а рыба на меня глядеть с немим укором, да?

– Ну кто тебе в сайру глаза положит, – отмахнулась Глаша. – Пойдем, я там еще драников напекла. И гренки пожарила. Рудик, не изводи себя, ценители театра не простят тебе, если ты свой талант заморишь голодом.

– Да уж... – скрипнул диваном Рудольф и, поднявшись, нехотя поплелся на кухню. – Вся жизнь к ногам почитателей! А что взамен?! Одно дикое непонимание! Мелочные склоки! Меркантильные придирки... Где там у тебя драники-то? А что, пива купить не догадалась? И рыбы настоящей, а не такой?.. Ну и где в этой тарелке мясо?

– Рудик... здесь... как бы нет мяса, – крикнула Глаша. – Это... как бы... уха. Там рыба.

– Я тебе триста раз говорил! Это твое убогое «как бы» оставь деревенским девочкам! Надо расширять словарный запас! – взорвался Рудик, нервно бухнулся за стол и задумчиво поднес ложку ко рту. Видимо, уха получилась неплохой, а может, Рудольф слишком был голоден, но после того, как тарелка опустела, он все же снизошел до разговора. – Я просто не могу так работать! Меня постоянно подсаживают!

– Что, опять муж Верблюдовской прибежал и устроил скандал? – сочувственно спросила Глаша. – Я же тебе говорила, убери ты ее с главных ролей. У тебя и без этой выскочки хороших актеров хватает.

– Да? – нервно бросил ложку Рудольф. – А кто мне будет играть молоденьких девочек? Анфиса Аркадьевна? Или, может быть, Нина Леонидовна?

– Ну... у тебя есть Ирочка.

– Да! Ирочка есть! Только она весит ровно центнер! И мой Отелло – хлипенький Игнат Борисович – ее никак задушить не может! Нет, он бы, конечно, задушил, так ведь в зале же от гогота со стульев падают! С балконов орут, чтобы он МЧС вызывал, иначе не одолеет!

– Ну и что... Вот в августе же одолел, и никто не смеялся, – вспомнила один из удачных спектаклей Глаша.

– В августе я на себя эту роль взял и самолично придушил неверную! И потом, мы тогда загримировали под Дездемону Марину Львовну. Просто чудо, что никто не понял, сколько ей лет на самом деле.

Глаша хотела было сказать, что и Отелло у них совсем не первой молодости, но добавлять масла в огонь не стала. А Рудольф продолжал гневаться:

– Да все бы ничего. Но сегодня опять приволокся этот Казимир, наш директор ДК! Ему, видишь ли, срочно приспичило требовать деньги за аренду! Время подошло! Как будто искусство подвластно времени! Как будто у меня эти деньги на полу валяются!

– Но... ведь тебе же сдавали на аренду... – припомнила Глаша. И зря. Потому что эдакая память вызвала еще больший гнев у гражданского супруга.

– Сдавали! А на что я костюмы покупал?! На что мы заказывали автобус, когда выезжали на гастроли в Коркино?! Кстати, а у тебя когда зарплата?

– У меня? Так... скоро будет... На следующей неделе...

– Ну вот! А как мне до этой самой недели жить?! Господи! Как тяжело сеять вечное!

Рудольф отодвинул стул и, горько вздыхая, побрел обратно на диван.

Глаша понеслась за ним. Судьба ей подарила в мужа удивительно талантливого человека: режиссера, постановщика, актера, – и Глафира Капитонова не уставала ее за это благодарить.

Еще бы, Глаше было с чем сравнивать. Молодой девчонкой она вышла замуж за парня из своего двора, но супруг оказался на удивление ленивым, к тому же слишком тяготел к спиртным напиткам. И ведь не просто так тяготел, паршивец, – продавал вещи из дома, да еще и руки распускал. Однажды, после того как муженек продал единственную ценную вещь, оставшуюся в доме, – телевизор, за который Глаша даже не успела до конца рассчитаться, – она собрала в пакет парочку трусов, носки и выставила благоверного из квартиры. На этом Глашина семейная жизнь и закончилась.

Очень долго на Глафиру как на жену никто не зарился. А ведь она и хозяйка чудесная, и характер у нее золотой, но... Никому такое сокровище не требовалось. Она совсем было отчаялась и от тоски записалась в местный ДК, в театральный кружок, где ее наконец-то и

нашло долгожданное женское счастье в облике Пудикова Рудольфа Семеновича. Пудиков сначала одарил ее главной ролью в новогодней сказке «А Баба-яга против», потом начал интенсивно строить глазки новоиспеченной актрисе и вскоре без лишних разговоров переселился в ее двухкомнатную квартиру. С этого момента жизнь Глаши заиграла красками. Правда, заработок у Рудика оказался непостоянный, да и его Глаша не видела, но зато любимый открыл для нее необыкновенный, сказочный мир театра! И что бы там ни говорил Глаше ее родной братец Димка, что-де Рудик ее только использует, что он нахлебник и альфонс, Глафира была настолько счастлива, настолько ее переполняли неистраченные чувства, что она даже... она даже взяла и сама написала пьесу! Да! Специально для театра своего Рудольфа! Пьеса рассказывала про их запоздалую, немыслимую любовь и называлась «Джульетта и Ромео среди вас». Конечно же, в роли Джульетты Глаша видела только себя, а Рудольф должен был преобразиться в современного Ромео, однако... Рудик отчего-то все никак не ставил такую потрясающую вещь. Как он объяснял, им обоим надо было накопить чувств для создания сего шедевра. Глаша терпеливо ждала и в это время опекала своего любимого как могла.

– Рудик, ну ты же знаешь, Казимир – обычный убогий человек, – тихонько гладила мужа по руке Глаша. – У него нет мечты. Ты не представляешь, как это – жить без мечты! А у тебя есть театр. Есть я. Есть твои пьесы... Рудик, а когда ты начнешь ставить «Джульетту и Ромео»? Я сегодня репетировала, у меня получилось.

Рудик нервно дернулся:

– Глаша! Ну что у тебя там получилось? Господи, как же тебе объяснить?... Для этой постановки ты должна стать настоящей актрисой! Ты должна уметь перерождаться в любой образ! Ты...

– А я умею! – обрадовала любимого Глаша. – Я сегодня уже так в эту Джульетту переродилась, что прибежала Манька и...

– Ну какая Манька, Глаша-а-а... – захныкал Рудик. – Ты должна... Вот понимаешь, скажу я тебе – ползи! Ползи, потому что ты – червяк! И ты должна тут же упасть и поползти, извиваясь! Поверить, что ты и в самом деле – червяк! Проникнуться его мыслями, чувствами, его идеями...

– У червяка-то идеи? – не удержалась Глаша.

– О-о-о-й, да при чем тут червяк? – взвыл Рудольф, ухватившись за голову. – Я в общем! Или, к примеру, скажу тебе – иди голая, потому что ты – Ева! И все! И ты уже на улице в чем мать родила! И никакого стеснения! А потому что ты для себя уяснила: я Ева, кого тут стесняться, когда вокруг одни дубы?! Или вот... скажу – разденься, потому что ты – юная развратница! И ты уже...

– Ну так чего ж, разденусь... вот прямо сейчас... – И Глаша стала стыдливо, путаясь в пуговицах, расстегивать кофточку.

– Ой, я тебя прошу, не надо этой пошлости! – поморщился Рудольф. – Как на приеме у сельского врача, честное слово!.. Нет, Глаша, не готова ты еще к великой роли.

– Да готова, говорю ж тебе! – пыталась убедить супруга Глаша. – Я уже пробовала! Получается!

Рудольф плюхнулся на диван, посмотрел на жену и вдруг, дернув бровью, сказал:

– Получается? Готова? Умеешь перевоплощаться? А докажи! Вот тебе задание: завтра вечером ты должна выступить в роли... ну, скажем, в роли продажной женщины. Дерзай.

– погоди, – оторопела Глаша. – Это где ж я выступать буду? У вас в ДК? Так я сразу говорю: тебя Казимир и вовсе на порог потом не пустит. Он же такой зануда, ему ж разве объяснишь, что это я роль играю.

Рудольф фыркнул:

– А разве у нашего ДК стоят продажные дамочки? Они у нас на остановке Хрусталево деньги зарабатывают.

– Так это что же... мне на Хрусталевку, что ль? – нервно сглотнула Глаша.

– Ну а куда еще?

– Так... меня ж там и правда... я-то в роль вживусь, а они? Они ж в самом деле... ну, заказчики-то, они ж не играть будут! – вытаращилась на сожителя Глаша. – И чего тогда делать?

– А смекалка на что? – склонил голову набок Рудик. – У нас ведь на дорогах девицы стоят не от хорошей жизни. Тяжело им приходится: работы нет, на руках дети малые да родители престарелые, вот и идут торговать телом...

– Да? А я всегда думала, что они больше ничем другим торговать не хотят. Могли б на заводах работать, к примеру, или там...

– Ты вот про это забудь! – прервал ее Рудольф. – Тебе надо снять клиента, убедить его, что ты горемыка, выудить деньги и... И уж тогда мне просто некуда будет деваться! Сразу придется бросать все дела и ставить твою пьесу! Потому что ты – талант! Ну так как? Завтра пойдешь?

Конечно, Глаша была согласна ради любви на многое. Но чтобы торговать собой... Нет, к такому она еще не была готова.

– Знаешь, ни в одном театре актрис не заставляют на панель выходить.

– Правильно, потому что они сами всему научились, а ты... Ой, да кто тебя заставляет! Живи ты как мышь серая!.. Сиди в своей библиотеке да млей от «Каштанки»... Я думал, у тебя хоть какие-то зародыши способностей, а ты...

– Ну знаешь! – задохнулась Глаша. – У меня есть зародыши! И еще какие! Только... только вот на панель...

– Да ладно. Все. Проехали, – отмахнулся Рудик, демонстративно взял телефон и стал набирать номер одной из своих ведущих актрис. Он всегда успокаивался только такими разговорами. – Нина Леонидовна? Ну как роль? Выучили? Побойтесь бога, вы уже второй месяц учите, а осилили только первый абзац. Имейте в виду, у меня очень просила эту роль Ольга Хохлова... Ну что ж с того, что она просто техничка, она мне Снежную бабу сыграет просто виртуозно!.. Хорошо... Да-да... Ладно, завтра я вас прослушаю...

Глаша уныло вздохнула и побрела в спальню – там, на комод, ее ждала еще огромная куча неглаженного белья, и что бы там ни творилось в театральном закулисье, а дела домашние еще никто не отменял.

Следующий день в библиотеке выдался совсем непродуктивным, ну хоть вой! Не пришел ни единый посетитель! Даже старичок, который приходил исключительно для того, чтобы пообщаться и выразить свое «фи» всему, что показывают по телевидению. Даже суматошная Акимовна со второго этажа, которая и вовсе не знала, что здесь находится библиотека, а прибегала только затем, чтобы узнать погоду, даже мальчишки, которые после катка забегали погреться, – ни единой души.

Вечером, когда Глаша собралась домой, дверь библиотеки неожиданно распахнулась и на пороге появилась прекрасная, точно Снежная королева, женщина. Она рухнула на старенький деревянный диванчик, бросила рядом сумочку и деловито спросила у растерянной Глаши:

– Вы не в курсе, кому жаловаться, если жизнь ни к черту?

Глаша прилежно задумалась, а потом с сожалением покачала головой:

– Даже ума не приложу... А может, вам книжечку? Формулярчик заполним, а?

– Вы думаете, тогда жизнь наладится? – серьезно уставилась на нее прекрасная незнакомка.

– Нет, я вот сколько уже заполняла, а... тоже кругом ни к черту, – вздохнула Глафира.

– А мне зачем тогда советуете всякую ерунду?

– Ну какую же ерунду?! – возмутилась Глафира. – Книжки – это ж!.. Да вы возьмите, почитайте! Между прочим, так успокаивает. Оказывается, почти у всех великих жизнь тоже была не сахар! Зато потом они таких высот добились!

– И чего? Ну добились, а толку-то? – грустно вздохнула женщина. – Они ж все равно умерли уже все. А мне... мне еще ра-но... в великие. Хотя я уже в своей судьбе столько всего хлебнула! Вот сегодня! Прямо с самого утра так и начала хлебать! Сначала не завелась машина! И пришлось мне к мастеру тащиться на такси! Потом выяснилось, что я перепутала дни и моя мастер ждала меня вчера, а сегодня у нее выходной! Потом я решила забежать в бутик, выбрала себе туфельки, но моего размера не оказалось! И вот уже под самый вечер направляюсь я домой, и на тебе, последний сокрушительный удар – падаю и рву колготки! Как жить? С такими синяками на коленках... Да когда же вы мне кофе принесете? Я уже здесь полчаса сижу, а вы даже не шевелитесь!

Глаша «зашевелилась». Она рванула в маленький отсек, где в обеденный перерыв Зинаида позволяла пить чай с печеньем, а иногда и заваривать лапшу в пакетиках. Кофе, конечно же, не было. Да и откуда ему взяться, если ни Глаша, ни вторая библиотечарша, баба Поля, отродясь на такие изыски не раскошеливались. А Зинаида своими продуктами не разбрасывалась и кофе пила только в кабинете.

– А вы чай не употребляете? – выглянула из кухонного отсека Глаша.

– Ну налейте чашечку зеленого. Сильно вычурно не надо, можно просто «Мэтр де Тэ»... щепотку... без сахара.

– Ага, – кивнула Глаша и плюхнула в стакан с кипятком пакетик с заваркой «Принцесса Нури».

Женщина взяла в руки горячий стакан, точно гранату. Потом отчетливо всхлипнула и жалобно посмотрела на Глашу:

– Ну вот, я же вам говорила: день хоть выкинь!

– Ой, не то слово, – активно поддержала ее Глафира. – Вот у меня сегодня тоже... ни одного человека. А на меня уже и так Зинаида косится. Мне вот никак нельзя, чтобы без посетителей!

– Чего нельзя-то? – фыркнула женщина. – Скажите, что приходили! Прямо целые делегации, она ж все равно не сможет проверить.

– Вы ее просто не знаете... – вздохнула Глаша. – Это она бабу Полю проверять не станет, а меня... Она ведь меня на работу взяла только потому, что самой здесь сидеть не хочется. Она все время говорит, что у меня лицо не интеллигентное, дескать, мне бы только лифчики продавать.

Женщина пристально взглянула на Глашу и покачала головой:

– Да ну, какие лифчики! Я б у вас не купила. Вам маслом хорошо торговать, подсолнечным. «Золотая семечка». Почему-то мне так кажется.

– Чего это? – захлопала глазами Глаша. – Мне здесь надо. Во-первых, от дома близко, а во-вторых, много времени для репетиций. Я ж еще театром занимаюсь.

– Да что ты! Вот жизнь! Кого только на подмостки не толкает! – всплеснула руками незнакомка и сочувственно погладила Глашу по руке. – Женщина, послушайте, ну какой вам театр? Это не ваше, поверьте мне. Вот я на такую актрису ни за что бы не пошла! На Чадова бы пошла, на Нагиева побежала, на Тома Круза, а на вас... Бросайте вы это зряшное дело...

– То есть как бросайте?! – возмутилась Глаша. – Да я... у меня же и пьеса есть! Для новой постановки! И у меня там, между прочим, главная роль! Я Джульетту играю! А муж мой, он – Ромео!

– Боже мой, у нее еще и муж есть, – едва слышно вздохнула прелестница и громко заявила: – Ну какая из тебя Джульетта? У моей подруги собаку так зовут, мастино неаполитано. Здоровенная такая, голубого окраса, а ты...

– При чем же здесь голубой окрас?! – изумилась Глаша и незаметно для себя перескочила на «ты». – Ты вообще Шекспира-то читала? Ну, повесть о двух влюбленных? Да не таращся,

вижу, что для тебя это джунгли. Сейчас... погоди... у меня она прямо на стойке... сейчас... Вот! На, возьми, почитай!

– Детектив, что ли? – недоверчиво поморщилась женщина. – Нет, погоди-ка, я припомню... Шекспир, это где всегда умирают, да?

– Не совсем. У него еще и комедии были, но эта книга... да, здесь любовь с печальным концом.

– Ясенько... Фу-ты, шрифт до чего мелкий. А ты к этому Шекспиру с какого боку?

– А я... я изложила свой вариант, – задумчиво возвела глаза к потолку Глаша.

– Чего ж тебе этот не подошел? Шекспир он что, хуже тебя написал? – искренне не понимала женщина. – Ну ты даешь – и писательница, и актриса! Нет, ты не обижайся, но, хоть убей, я не представляю, как это ты на сцене чего-то там изображаешь. Может, все же лучше маслицем торговать? У тебя получится.

– Иди ты со своим маслицем, – окончательно обиделась Глаша. – Вот мы поставим спектакль, я тебя специально приглашу, посмотришь, как мне цветы на сцену будут бросать.

– Милая, какие тебе цветы, – с глубоким сожалением посмотрела на нее поздняя гостья. – Твоя задача на ближайшие лет тридцать – это удержать того недоумка, который взял тебя в жены, прости господи. Сбежит ведь и глазом не моргнет... Ну что ж, пойду я. – Женщина, поставив стакан на подлокотник дивана, поднялась, махнула полой белоснежной шубки и исчезла за дверью, прихватив с собой томик Шекспира.

– Собака у нее... Джульетта... – никак не могла отойти от неожиданной встречи Глаша. – Еще, главное, не верит она...

Она шла домой, а в голове все никак не утихал голос Снежной королевы: «Женщина, послушайте, ну какой вам театр?»

Да неужели она, Глаша, и вправду никого не сможет убедить в своих способностях? И перевоплотиться в придуманную ею самой Джульетту? Ведь она же столько раз проговаривала эту роль у себя в библиотеке! И Манька вон без конца прибегает, боится, что ее дворника уведут. Значит, верит? А может, действительно Глаше надо попробовать себя в разных ситуациях? Например... (ну а чего такого?) пусть даже и в роли продажной женщины? Она же не на самом деле собирается телом торговать, она просто войдет в роль, испытает себя. А потом... конечно, куда потом Рудику деться, будет ставить спектакль по ее пьесе. И опять же, наверное, где-то дамочка в белой шубке и права – Рудольф у Глаши мужчина видный, божественно талантлив, умен. Если Глаша сейчас не покажет ему все свои способности, то запросто может остаться без такого сокровища. А что? Вон как на него женщины смотрят! И помоложе Глаши, и покрасивее. Это еще хорошо, что Рудик ничего, кроме своей сцены, не видит, а так бы...

В общем, как ни верти, а сегодня же вечером ей просто необходимо выйти на большую дорогу. Искусство требует жертв! А уж любовь тем более, чего тут думать!

Выйти она решила в девять часов. Позднее было уже страшно, а раньше... Ну не к пенсионерам же ей приставать, показывать свое актерское мастерство!

Рудольф сегодня был на вечернем спектакле. Глаша никогда таких спектаклей не пропускала – приходила, когда уже зал ДК закрывали, пробиралась на свободное место и сидела тихо, как мышка. Наслаждалась. Она не говорила Рудику, что следит за его творчеством, он бы, наверное, был недоволен этим. И вот сегодня, впервые, Глаша на спектакль не придет. Пусть Рудик там работает, на сцене ДК, а она будет работать на сцене жизни!

Накрасилась Глаша быстро. Да и чего там краситься-то? Посильнее подвела глаза, поярче нарисовала губы, да еще, на всякий случай, ткнула на скулу мушку, чтобы вообще была красота неопишная! И сама себе понравилась. Она, конечно, никогда бы не осмелилась так накраситься, если бы речь шла о вечеринке или каком-то празднике, но вот для роли...

Загвоздка возникла с нарядом. Ну где взять блестящую кожаную курточку, чтобы до пояса? Или юбочку, чтобы по самое «не могу»? Брюки? Джинсы? Чего-то Глаша не видела девочек древнейшей профессии в эдаком наряде.

Пришлось безжалостно обрезать вполне нормальное платье и идти с неподшитым подолом. А когда его подшивать? Тут еще обнаружилось, что ее теплые колготки смотрятся вовсе не эротично, да и вязаная шапочка в имидж ночной сердцеедки не вписывается. А уж скромненькая шубка из шкуры молодого леопарда не то что не привлечет мужчин, она их скорее отпугнет. Однако даже ради самой важной роли Глафира не смогла бы срочно поменять свой гардероб – у нее попросту не было на это денег. А посему Глаша решила выглядеть дамой необычной. И чтобы хоть как-то выделиться, чтобы хоть чем-то привлечь внимание этих избалованных мужчин, она накинула поверх шубейки старую мамину шелковую скатерть, расписанную павлинами и неземными цветами, и вот в такой красоте выскочила из дома.

По своему подъезду Глаша неслась как угорелая – нельзя было допустить, чтобы ее в таком виде встретил кто-нибудь из соседей. Да и две остановки она пронеслась на одном дыхании. Становиться возле дома ей не поз-волила совесть, а уезжать далеко от знакомых мест – элементарный страх. Вот и решила Глаша встать возле большого нового супермаркета, расположившегося у дороги, в двух остановках от родимого пристанища. В автобус в таком виде Глаша тоже войти не отважилась, поэтому, когда добежала до нужной точки, коленки уже показывало от мороза.

– Ничего, – успокаивала себя «жрица любви». – Мне ведь только первую машину тормознуть. Как только он в кошелек полезет, тут я ему и – «Улыбайтесь! Вас снимает скрытая камера-а!»

Она уже приплясывала возле дороги, махала рукой в разноцветной вязаной варежке и даже иногда выбегала на проезжую часть, но машины с бешеной скоростью упрямо проносились мимо. Надо было бы забежать в магазин, погреться, но оказаться в такой одежде среди множества людей Глаша стеснялась. Она лучше бы замерзла здесь, на ролевом задании, но в магазин бы ее и силой не затащили!

– Блин... – потеряла посиневший нос окончательно заледеневшая Глафира. – Ну что за собачья работа у этих девочек по вызову! Ни тебе больничных, ни премиальных, ни северных. Одна радость, что зарплату вовремя дают... Не на том месте я встала, что ли?

Она повертела головой, поправила сползшую с плеч скатерть и прошла еще немного вперед, где дорога, поднимаясь к магазину, делала замысловатый крюк.

– Ну вот, теперь вы от меня никуда не денетесь, – злорадно подумала актриса. – Теперь, как только вы со стоянки маркета выезжать начнете, так я уже и тут!

Здесь дело пошло лучше. Первая же машина слегка притормозила, оконное стекло опустилось вниз, и веселый женский голос прокричал:

– Эй! Бабочка ночная! Валенки надень! Все равно уже в гусеницу превратилась!

Глафира радостно помахала вслед машине. Девчонка за рулем. Молодец! За ночную бабочку приняла! Значит, перевоплощение удалось! Теперь бы посмотреть на мужскую реакцию и можно смело домой. Все же мужчины в таких женщинах больше разбираются.

Следующая тупомордая машина на Глашу чуть не наехала. Ну по большому счету Глаша сама была виновата – вышла на середину дороги и запуталась в своей «шали».

– Черт!!! – Открылась дверца навороченной иномарки. – Какого хрена ты сюда выперлась? Жить надоело?! Мотай отсюда, чучело! Здесь тебе не огород!

Глаша постаралась растянуть заледеневшие губы в обворожительной улыбке и посемила к темной морде машины.

– Мл... молодой чла... молодой человек! – с третьей попытки удалось разлепить рот. – Я к вам по какому вопросу...

– Да чего тебе надо-то?! – прожигал ее гневным взглядом водитель. – Я не таксую!

– И не надо... у меня все равно... денег нет... – махнула рукавичкой Глаша. – Вы б это... вы даму не угостите?

Мужик хмуро сдвинул брови и бегло оглядел салон.

– Это в смысле... хлеба, что ли, дать?

– Ну... можно и хлеба, – махнула рукой Глаша, а потом быстро-быстро выпалила: – Не желаете прекрасно провести время со мной, а? Недорого!

«Молодой человек», которому было изрядно за сорок, от возмущения потерял дар речи:

– Т-ты... Время?! С тобой?! Да я!.. Блин! Ну да, не побрился я утром! Но это ж... это ж не значит, что я окончательный бомж!!! Да я... а ну пошла отсюда, шалашовка!!! В ментовку захотела?!

– Да нет же... я не захотела... ну проведите... эту... ночь! Я ж и сама не хочу, а вам... вам же только согласиться надо... я ж для роли, – пыталась объяснить Глаша, но мысли куда-то делись, да и непослушные губы едва шевелились.

– Я тебе сейчас такую роль устрою!!! – продолжал возмущаться водитель. – Еще каждая проститутка будет мне тут...

– Вот!!! Не мог сразу сказать! – с облегчением воскликнула Глаша. – Ну что за мужики пошли, нет бы сразу назвать все своими именами, ни себе бы, ни мне нервы не трепал...

Машина резко дернулась и рванула с места, а Глаша уже направилась было на остановку, но тут кто-то настойчиво потянул ее за рукав:

– Я! Я хочу... прекрасно провести! – шатаясь из стороны в сторону, лопотал мужик весьма неприглядного вида. – Токо ежли недорого, сама говорила. За десятку сговоримся?

– Чего-о-о? – уставилась на него Глафира. – Вы что пристаёте?

– Понял! – мотнул головой ухажер. – Десятка и... мой портвешок!

– Да отцепитесь вы! – Выдернула из его руки свою скатерть Глафира. – Вот ведь! Нет, ну чего вцепился?! Что вы себе позволяете?! Хам!

– Тык... что позволяю? Ничо еще не позволил! – недоумевал отвергнутый джентльмен. – Сама ж предлагала: недорого. А у меня вот токо как раз на тебя и хватает! И... я тя сразу полюбил! Потому что ты – трезвая! А мне такая и нужна – трезвая проститутка! Ну?! Пойдем, что ль? Десятку дам!

– Вы за кого... – начала было Глаша, но тут же лицо ее преобразилось – губы растянулись помимо воли в удовлетворенной улыбке. – И вы туда же! За проститутку меня приняли, да? А я... я артистка, между прочим, только и всего!

И она веселой походкой зашагала к автобусной остановке.

– М-да? – глядел ей вслед качающийся мужичок. – А с виду так и никакая не артистка, а форменная... раззвррратница!

Глаша вошла в полупустой автобус и только тут поняла, что денег у нее нет. Ни копейки. Сумочку, ну и, конечно же, кошелек, она оставила дома.

– Оплачиваем проезд, – подойдя к Глаше, бесстрастно бросил молодой кондуктор.

– Нет у меня денег... – пожала плечами Глаша и вдруг неожиданно для самой себя ляпнула: – А хотите, я с вами по-другому рассчитаюсь?

Парень вздрогнул, вытаращил на пассажирку огромные совиные глаза и завопил на весь салон:

– Дядь Коль! Открывай двери! Здесь эта, как ее... гейша! Выкинуть на фиг – и дело с концом!

– Дурак, – довольно швыркнула носом Глаша. – Не гейша, а путана. Останови, я сама выйду...

Автобус дернулся, встал, двери с лязгом распахнулись. Глаша выскочила на улицу, краем уха услышав, как молодая парочка на задней площадке обсуждает нравы ночных работниц.

– Ну и ладно... – поежилась Глафира. – Хоть немножко проехала, согрелась чуть-чуть, да и бежать теперь меньше.

Она стянула с плеч скатерть, мазнула ею по ярко покрашенным губам и припустила к дому во весь дух.

В квартиру она залетела пулей, морозец на улице давал о себе знать. В комнатах было темно и пусто. Рудольф еще не вернулся со спектакля, так что Глаша могла спокойно привести себя в порядок и даже погреться в ванной. Заболеть после сегодняшнего мероприятия очень не хотелось.

Когда она вышла из ванной комнаты, красная, распаренная, точно вареная свекла, на кухне уже суетился Рудольф.

– Рудик! Ты себе не представляешь, – начала было Глаша, но тут же сама себя перебила: – А как твой спектакль? Народу собралось много?

– Да собралось, чего уж там... – игриво усмехнулся Рудик. После спектаклей у него всегда было хорошее настроение. – Только вот не пойму, куда ты сегодня упряталась. Я тебя не видел. Неужели из-за колонны подглядывала?

– А ты... ты знаешь, что я на спектаклях бываю? – растерянno пробормотала Глафира. – А чего ж молчал? Я думала, что никто меня не замечает.

– Ну, в общем-то, сначала ты себя ведешь практически незаметно, зато потом так начинаешь хохотать, так орешь: «Верблюдовская! Поаккуратней кидай стулом! Не зашиби мне мужа!» – что все артисты проявляют просто стальную выдержку, чтобы тебе не ответить! Я уж сколько раз просил тетю Аню, чтобы она тебя не пускала. Но сегодня ты вела себя идеально! Где стояла?

– У магазина, – улыбнулась Глаша и начала объяснять: – Рудик! Я же решила себя попробовать! Помнишь, ты говорил, чтобы я из себя изобразила девушку легкого поведения!

– Ну? – насторожился Рудольф.

– Так вот, я сегодня изображала, – засверкала глазами Глаша. – Ты теперь никуда не денешься – будешь ставить мою пьесу!

– Погоди-погоди, – не понял гражданский муж. – Как это изображала? Где?

– На улице! Видишь, промерзла так, что еле-еле отошла! Колени до сих пор огнем горят. Я уж парилась, парилась...

– То есть ты хочешь сказать, что... прямо на улице, что ли? – тарачил прекрасные глаза Рудик.

– Ну конечно! – радовалась Глаша. – Пойдем, я чаю налью, поболтаем!

Она проскользнула на кухню и стала быстро собирать на стол, а язык без устали рассказывал:

– Юбку я сообразила себе из старенькой. Помнишь, у меня такая длинная была, так я ей подол оборвала, а сверху шалью обмоталась... То есть не шалью, а скатертью. Я на Новый год ее нам стелила, синяя такая, шелковая, в павлинах, вот! Ну и встала возле магазина! Ой, я там такого натерпелась! Но зато меня все, представляешь, все называли проституткой!

– И чего? Даже машины останавливались? – осторожно спросил Рудольф.

– Ну да! – восторженно кивнула Глаша. – Нет, первая-то девчонка только притормозила, ясное дело, она и останавливаться не стала... Но она сразу во мне ночную бабочку признала и посоветовала валенки надеть! Правда-правда! А потом мужчина остановился на большой такой машине, я не знаю, как она называется. И он тоже... ну, обозвал меня этой, работницей... легкого жанра. А потом еще...

– Погоди. И чего тот мужик? Он что, согласился на твои услуги? – не спускал с жены внимательных глаз Рудольф.

– Нет, не согласился. Да ему, может, и не надо было никаких услуг. Он же из магазина ехал, домой торопился, зачем ему какие-то услуги, его, наверное, жена дома ждет, – легкомыс-

ленно пожала плечами Глаша. – Но ведь он поверил в то, что я жрица любви! Значит, я могу перевоплощаться!

Рудольф выдохнул. А потом безнадежно спросил, так, на всякий случай:

– И что? Ты так ничего и не заработала?

– Постой... – растерялась Глаша. – Но я же не работать туда ходила! Я ж в образ вживалась! Ты чего хотел?! Чтобы я торговала своим телом, да?!

– О боже! – устало схватился за голову Рудольф. – Да ничего я такого не хотел! Но только... как мне тебе поверить, что ты там была? Мы же договаривались, ты идешь на съем... прости, вырвалось... мы договаривались, что ты привлекаешь мужчину. Потом поешь ему про свою несчастную жизнь, он дает тебе деньги, и, когда ты мне их вручаешь, я с чистым сердцем...

– Так для тебя главное деньги, да? А вовсе не мой образ?! – безуспешно пыталась Глаша удержать слезы. – Ты хотел меня подложить под первого встречного! Да, мне предлагали деньги! Целых десять рублей! Но я даже слушать об этом не стала!

– А чего ж десять-то? – дернул губой Рудольф. – Если в скатерти, то можно было и больше просить... Один прикид сколько стоит! Нет, Глашенька, дело, конечно, вовсе не в деньгах... Ну как мне тебе объяснить...

– Да никак! Я так боялась! Закоченела вся! А ты мне... ты мне не веришь! Без этих денег, да? – не могла успокоиться Глафира.

Рудольф подошел к ней, обнял за плечи и повел в комнату. Там он усадил супругу на диван, сел рядом и прижал Глашу к себе, уютно устроив свой подбородок на ее макушке. Поглаживая жену по плечу, он грустно заговорил:

– Девочка моя, дело вовсе не в деньгах... И я тебе верю, но... давай подумаем. Вот посмотри, ты просишь, чтобы я поставил твою пьесу, а где мне на нее взять финансы? Костюмы надо? Надо. Декорации нужны? Обязательно. Артистам заплатить необходимо? Конечно, они же не могут бесплатно работать. И потом, мне ведь хочется, чтобы эта твоя пьеса прогремела! Сразу! Как она там называется-то?

– «Джульетта и Ромео среди вас», – все еще всхлипывая, напомнила Глаша.

– Ну да... А чего название такое корявое? Надо... ну хотя бы «Джульетта и Ромео точка ру», сейчас это модно.

– Там нет никаких ру. Я ж в компьютерах не разбираюсь.

– Ну и что, никто не разбирается. Зато звучит современно, – резонно заметил Рудик и продолжил: – И как же мы с тобой все это провернем без денег? Ты подсчитала, во сколько постановка пьесы обойдется?

– Нет... – уже начала успокаиваться Глаша. – Но я правда не могу, чтобы... ну чтобы так зарабатывать. Может быть, мне в какой другой образ вклиниться?

Рудольф от последнего ее слова поморщился, но замечаний делать не стал.

– Можно и в другой, – великодушно разрешил он. – Только надо хорошо подумать, в какой. Тут же не просто сборы на спектакль, тебе еще себя проявить надо, опыта набраться... Слушай, Глаш, а что если нищенкой? Мне кажется, удачный образ, а? Его, кстати, потом можно втолкнуть в твой спектакль! Ты там будешь играть современную нищенку, которая...

– Какую нищенку?! – оторвалась от любимого плеча Глаша и гневно уставилась на Рудольфа. – В своем спектакле я Джульетту буду играть! Ты же мне обещал!

– Да я и не спорю! Но можно ведь и две роли сыграть! Представь, какая эмоциональная нагрузка! Какой театральный ход! Между прочим, многие великие артисты очень часто в одном фильме играли несколько ролей. «Ивана Васильевича» вспомни.

Незаметно разговор перешел на обсуждение фильмов, потом перекинулись на разбор Глашиной пьесы и только поздней ночью улеглись спать. Уснула Глафира совершенно счастливая, с твердым намерением через денек-другой усесться возле того же супермаркета с коро-

бочкой для сбора денег. Но теперь Глаша решила подойти к своей роли более серьезно. Надо было подобрать костюм, выработать интонацию, придумать душещипательные фразы... Словом, она готовилась так отыграть свою роль, чтобы их бюджет пополнился ощутимо.

Глава 2

Подайте на аплодисменты

Всю следующую неделю Глаша рылась в книгах, отыскивая упоминания о нищих (хотелось хоть немного разобраться в психологии попрошаек), но, к сожалению, ничего так и не нашла. Единственное, что привлекло ее внимание, так это «Золотой теленок» Ильфа и Петрова, где Киса Воробьянинов просил милостыню на всех языках. Но такой вариант вряд ли мог бы Глаше пригодиться. Она, конечно, готова была дословно выучить все фразы, однако посчитала, что тогда получится совсем уж откровенный плагиат. Да и вообще, живописные речи Кисы ей не подходили. Пришлось Глаше напрягать весь свой творческий потенциал и придумывать собственную историю и собственную речь. Глаша уже не однажды репетировала ее, сидя в пустом читальном зале, и всякий раз на ее глаза набегала слеза жалости.

– Граждане милосердные! – с мольбой складывала она под грудью руки пирожком. – Прошу вас! Не дайте погибнуть! Муж – талантливый режиссер, инвалид умственного труда, ждет операции! Детки плачут и просят кушать. А мне уже три года не дают зарплату! Помогите! Подайте немного денег! Спасите нас от голода, а себя от угрызений совести!

– Глаша, – прервала ее пламенный монолог неожиданно вошедшая Зинаида Васильевна, – ты никого не видела? То ли мне кажется, то ли под окном какие-то попрошайки нудят! Ну прямо дыхнуть нет! Ты, Глафира, если они сюда зайдут, то сразу гони их метлой или веником.

– Зинаида Васильевна, ну зачем же веником? А если у них и вправду денег нет? – попыталась разжалобить начальницу Глаша.

– Денег нет? А у кого они есть? – не прониклась та. – Пусть вон дворниками идут! Или строителями, сейчас везде люди требуются. Работы – куча!

– Ну да, – пробурчала Глафира. – Работы-то, может быть, и куча, да только денег ни фига нет.

– Глафира Макаровна, вы о чем это?! – оскорбленно округлила глаза начальница. – Да, у нас с вами зарплата не бог весть каких размеров! Но зато выдают ее регулярно! И помимо материальных благ мы с вами получаем еще и высшее интеллектуальное наслаждение! Не забывайте, очень и очень многие люди всю жизнь мечтали оказаться на нашем с вами месте! Рабочем!

Глафира согласно кивнула, а когда Зинаида исчезла за дверью, показала ей длиннющий язык:

– Э-э-э! «У нас с вами... зарплата!»... Что-то я со своей зарплатой не могу иномарку купить! А ты купила...

На свое новое задание Глафира отправилась во всеоружии. Вместо искусственной шубки она напялила старый пуховик Рудика, надела трое штанов, шапку-ушанку, которая неизвестно откуда взялась у них на антресолях, сунула руки в теплые рукавицы и даже нарисовала гримом круги под глазами. Дождалась девяти часов и отправилась на дело. Рудольф ее не провожал. Она специально выбрала такое время, когда он был на вечерней репетиции, – не хотелось, чтобы любимый муж лицезрел ее в столь сомнительной красоте.

К недавно открывшемуся супермаркету она шла уже как к старому знакомому. Возле дверей уверенно выудила из большого пакета коробку для денег и стала ждать прохожих.

Стеклянные двери магазина распахнулись, и Глаша завывала:

– Граждане! Соотечественники! Вы знаете, какое у нас горе случилось?! – Тут от волнения новоявленная нищенка впала в ступор и понесла полную ахинею: – Меня с работы выгнали, вот! А нам как раз так деньги понадобились... Муж меня даже на панель толкает...

Однако прохожие, немолодая уже парочка, упрямо делали вид, что чужое горе их не касается. Они о чем-то увлеченно говорили друг с другом и внимания на Глашу обращать не собирались. А деньги, судя по всему, у товарищей имелись, потому как оба были неплохо одеты, да и пакетов несли бесчисленное множество. Это и вовсе раззадорило актрису:

– Гражданочка! Я ж к вам обращаюсь! Эй! Ну, которая в норковой шубе... Мужчина, толкните-ка ее в бок... Я ж вам жалуюсь тут! Говорю: сократили меня, денег вообще не дали, а у меня муж! Режиссер, между прочим! Талантливый! Инвалид детства! Умственно отсталый! И сайру уже на дух не переносит! Ну дайте денег! Жалко вам, что ли?!

Женщина наконец обернулась и прошипела сквозь прекрасные вставные зубы:

– Сейчас охрану позову! Они тебе все выдадут: и денег, и пособие на отсталого мужа! Шарлатанка!

– Почему? – искренне удивилась Глаша и даже не поленилась подойти ближе. – Ну почему вы решили, что я шарлатанка?! Я так хорошо подготовилась! Что вас насторожило? Одежда? Или, может, грим потек?

– Да я таких, как ты, за версту чую! – фыркнула дама и нырнула в роскошное ав-то. – Грим у нее потек! Милиции на вас нет!

Глаша все же хотела выяснить, где она прокололась, однако к ней уверенно направился муж этой скандальной тетки:

– А я и охранников ждать не буду, и милиции. Так наворочаю!

Пришлось быстренько сигануть за ближайший киоск и там дожидаться, пока крутая машина не отъедет. Снова подходить к дверям после случившегося было страшновато, но Глаша помнила, что ей позарез нужны эти деньги, ей нужна ее пьеса, а потому она снова усе-лась возле выхода.

Теперь она старалась отчетливо проговаривать слова, пускать горячую слезу и чуть сама не поверила в то, что говорила. Может быть, серьезный подход к делу, а может, и ее артистический талант сказался, но монетки в коробку стали стекаться. Немного, очень немного, но и людей в магазин в такое время наведывалось мало.

– Пода-а-айте на пропитание! С работы уволили... – в который раз канючила Глаша, когда вдруг в очередной незнакомке узнала ту Снежную королеву, которая прибегала в библиотеку.

И тут взыграл в Глафире производственник.

– Дамочка!!! Эй! Дамочка! А вы когда Шекспира прочитаете? – крикнула она незнакомке.

Та на секунду остановилась, пригляделась и в ужасе охнула:

– Боже мой! Это вы?! Но... а чего вы здесь усьелись? Вы же... вы же вон там работали, в библиотеке! Вас выгнали с работы?

Сказать правду? Нет, обратной дороги не было, к ним уже с интересом стали приглядываться.

– Ну да... выгнали... – нехотя промямлила Глаша.

– Так это... это из-за меня? Из-за той книжки? – Все больше расширялись глаза у обес-печенной красотки. – Из-за какого-то... как там его? А я даже и не помню, куда я его сунула-то... А, вспомнила, он у меня на книжной полке лежит, друзья приходили, еще удивлялись, что я читать начала... Так все из-за этого? Боже мой! Ну и времена! Бедненькая! Да я вам... – И дамочка торопливо полезла в сумочку.

Глафира даже шею вытянула, так хотелось посмотреть, сколько же ей пожертвует Снеж-ная королева.

– Да я вам... сейчас, где там... ага, вот. – Красавица достала ручку и клочок бумажки. – Я вам эту книгу завтра же занесу! Говорите адрес!

Глафира мялась. Она по сценарию и вовсе адреса иметь не должна – обычная обездоленная нищенка, без дома, без адреса... А даже если и есть какой домишко, то совсем не такой, где Глаша живет. Они ж с Рудиком совсем недавно телевизор в кредит взяли, увидит эта женщина...

Но та наседала все настырнее:

– Говорите же, ну?

– Так вы... лучше в библиотеку принесите, – тихонько предложила Глаша. – Чего домой-то тащиться?

– Нет уж! Коли вас оттуда уволили, вы и должны эту книгу вернуть! Говорите!

Дальше отпираться было бессмысленно, и Глаша адрес назвала, после чего молодая красавица сунула в коробку Глаши здоровенный кусок сыра и, помахав рукой, убежала к большой машине.

Глаша осталась одна возле стеклянной двери и только было собралась снова завести песню про отсталого мужа, как к ней решительно подошел охранник супермаркета.

– Так, гражданочка! Быстро собираем свои шмотки и валим отсюда! – сурово произнес он, ухватив Глашу за локоть. – Быстро, я сказал!

– Проснулся! – фыркнула Глафира. – Да отпусти ты! Ухожу уже... Ой, ну и нищий у вас магазинчик! Всего-то и выручки рубля два копейками! Работайте, молодой человек, бдите!

Она удачно выдернула локоть из крепких пальцев и понеслась в сторону от магазина, за угол, чтобы смыть грим, грязь, а прежде всего – неприятные ощущения.

Хорошо, что Рудольф еще не вернулся с репетиции, очень не хотелось портить ему настроение. А двумя рублями, которые мелочью катались по дну коробки, она уж точно его бы не обрадовала. Рудик сказал бы, что опять у нее не хватило артистизма, не донесла она свою боль до людских сердец, не проявила себя... В общем, конечно же, виновата была Глаша, но... честно говоря, что-то ей и не слишком хотелось заставлять людей верить в такую откровенную ложь. Ведь и с работы ее не увольняли, и детей у нее нет, и... Деньги ей, конечно, нужны, очень. А кому они не нужны? Да, не всем на такие великие цели, но так ведь для кого-то накормить ребенка – тоже цель немаловажная...

Она еще не успела привести себя как следует в порядок, когда в дверь настойчиво позвонили. Это был не Рудик, тот всегда пользовался ключом, даже когда Глаша находилась дома. Он любил чувствовать себя хозяином.

– Сейчас открою, – заторопилась Глаша, приглаживая на голове мокрые после душа волосы.

На пороге стояла разгневанная Галка, же-на родного братца Димки, в ее руках топорщились пакеты, а нога невестки в славненьком сапожке выстукивала нетерпеливую дробь. По этой самой ноге Глаша и поняла, что пришла родственница не с добрыми вестями.

– Что? Дома уже? – сверкнула на нее глазами Галка. – Ужин готовишь?

– Н-нет... я только из душа вылезла... С работы пришла, ну и...

– А ты сейчас где у нас работаешь? – прищурилась Галка.

– Как это где? – оскорбленно выпятила грудь Глафира, чуя неладное. – Там же, в би... в библиотеке... А ты хотела ребятишек записать, да?

– Фиг вы угадали! Я хотела спросить, какого черта ты после своей этой библиотеки рас-
суживаешься возле всяких магазинов и просишь милостыню?! – Галка уверенно промарши-
ровала на кухню и принялась вытаскивать из пакетов всевозможные продукты. – Нет, ну это
ж... Я чуть с ума не спятила. Прибегает соседка, глаза навылупку, и давай меня чихвостить!
Дескать, как же это вы, благополучные граждане, допустили, чтобы ваша сестрица и ее дети с
голоду подыхали? Ну! И куда мне надо было провалиться?! Под землю?! Чего молчишь-то?!
Рассказывай, когда ты успела наплодить голодающих детей! Где племяшки-то?!

– Галочка... – прохрипела Глафира, пытаясь затолкать принесенные невесткой продукты обратно в пакеты. – Галочка, твоя соседка... она все неправильно поняла! Я же там для чего сидела? Я ж вовсе не из-за нищеты! Я репетировала новую роль, понимаешь? Да с чего ты взяла, что это вообще я была?! Она... она просто ошиблась!

– Тетя Рая ошибиться не может! Она никогда не ошибается! – подняла палец Галка. – Ты еще радуйся, что Димки дома не было. Хотя нет, не радуйся, бесполезно. Тетя Рая сегодня специально возле подъезда будет дежурить, чтобы всем такую весть разнести, да еще и самолично Димке выговор сделать. Ну, блин...

Глаша поникла. И угораздило же ее натолкнуться на эту противную тетку! И как она ее не заметила? И ведь тетушка Рая, что интересно, разгон родне устроила, а сама хоть бы копеечку бросила...

Галка была права – тетя Рая ошибиться не могла. Дело в том, что раньше Глафира с родителями жила в том доме, где сейчас обитал ее братец. У них была четырехшка, и заселились туда Капитоновы одними из первых. И тетя Рая тоже. Дружили всем подъездом. Потом Димка женился, и долгое время Галочка жила вместе с Капитоновыми. А потом родители и Галки, и Глафиры перебрались в деревню, Димка с семьей остался здесь, а Глафира переехала в квартиру родителей Галки – у тех комнат было поменьше. В общем, конечно, тетя Рая очень хорошо помнила Глафиру и ошибиться не могла.

– Какой ужас... – уже спокойнее проговорила Галка, плюхаясь на табурет. – Ну скажи, тебя этот твой красавец на папёрть вытолкал, да?

Почему-то Галка страшно не любила Рудольфа. И Димка зятя тоже не переваривал. Да он и не считал его зятем, презрительно называя сожителем. И Глаше каждый раз приходилось вставать на защиту любимого.

– Галочка! Ну что ты говоришь! – осторожно гладила родственницу по руке Глаша. – Как он меня вытолкает? У нас и деньги есть! Посмотри, вон – полный холодильник! Да не открывай, я его не мыла давно. В общем, я ж тебе серьезно говорю – роль это!

– То есть ты теперь свои спектакли возле магазина устраиваешь, да? – усмехнулась Галка. – Ой, Глаша! Что же ты его вечно выгораживаешь? Ну сколько он еще может на твоей шее сидеть? Мужик, тоже мне! Прилепился к бабе и давай кровь пить! Прямо клоп какой-то, честное слово!

– Галя, Рудольф не клоп! Он... Ты же не знаешь, какой он талантливый!

– Так вот и пусть бы он свои талантливые спектакли возле магазина ставил! Взял бы да сыграл, к примеру, грузчика! Или продавца! А еще лучше – накупил бы всякой дряни и на рынок. А там – играй не хочу! Можно и директора фирмы изобразить, и заезжего мага, который сиропы для похудения продает! И химика можно сыграть – эликсир молодости втюхивать!

– Но это же махинации! – возмутилась Глафира. – Обман! Чистой воды!

– М-да? А то, что ты плела людям про бедных голодных детишек, это чистой воды правда?

Глаша не знала, куда деваться от стыда.

– Вот что! Я, конечно, Димке ничего не скажу, но если он узнает (а он узнает обязательно), дальнейшего благополучия в этом случае я твоему сожителю гарантировать не могу, сама понимаешь. Пойду я, буду сама Димку возле подъезда ждать, а продукты возьми! Это мне для отчета перед тетей Раей, ясно?

Галочка повернулась и унеслась, точно маленькая выюга – колючая, бодрящая, свежая.

Глаша понуро усталилась на гору продуктов, оставленных невесткой на столе, и неторопливо принялась убирать их в холодильник.

– О! А у нас, я вижу, произошло удачное вживание в образ! – неслышно появился в дверях Рудольф. – Во-о-от! Очень хорошо потрудились! У нас уже давно столько вкуснятины не

было. Ого, здесь и окорок! Отрежь, Глаша, а? У меня скулы сводит от голода. А чего горчички не купила? Все жа-адничаешь, все скупердяя-я-ййничаешь...

Удивительно, но Рудик всегда каким-то чудом удавалось избегать встреч с разгневанными родственниками Глаши. Когда Димка с Галей приходили в гости, Рудик встречал их с распростертыми объятиями первый, а если родня прибегала, чтобы наставить Глашу на путь истинный, то как-то так оказывалось, что тот был либо на репетиции, либо на спектакле. А поскольку Глаша никогда не сообщала мужу об истинных чувствах к нему своей родни, то тот искренне верил, что и Димка, и Галочка в нем просто души не чают!

Рудольф рылся в пакетах, выуживал из холодильника Галкины деликатесы и делился с Глашей последними новостями, не забыв поинтересоваться и ее удачами.

– Ну как новая роль? Вижу, хорошо пошла, – довольно улыбался он.

Глаша не стала ему рассказывать, насколько «хорошо». Она только вздохнула, вспомнив те копейки, которые принесла домой, и покачала головой.

– Нет, Рудик, больше я нищенствовать не буду. Ну что я там заработала...

– Да ты с ума сошла! – воскликнул муж. – Здесь еды тысячи на полторы! И это ты все только за несколько часов, помимо основной работы! С такой-то выручкой можно вообще ни о чем не думать! Ха! И она еще недовольна!

– Так только на еду и хватило, – пожала плечами Глаша. – А на пьесу и не осталось ничего.

– Да и бог с ней, с этой пьесой! Ты что же думаешь, талантливым актерам есть не надо? Не-ет, здесь у тебя все хорошо сложилось... А когда в следующий раз пойдешь? Завтра-то можно еще и не ходить. А потом...

– Не пойду я больше. Я уже доказала тебе, что в роль вживаюсь хорошо, а на жратву... ты уж меня прости, но я работаю в библиотеке! А стол... что ж, не каждый день такое изобилие. Будем жить по средствам... И потом, вообще-то ты говорил, что нам на пьесу надо.

– Ну, говорил. А что? Я и сейчас говорю – надо! – вздохнул Рудольф.

– Рудик! У меня... мне кажется... – боялась выговорить Глаша. – А ты мою пьесу читал? Ты над ней хоть немножечко работал?

– Я? – вытаращил огромные глаза Рудольф, похлопал ресницами, а потом развел руками. – Я... я ее... постигаю!

– Рудичка! Ну а пока ты ее постигаешь, может, мне что-нибудь в твоём театре сыграть? А то пока мы копим деньги на «Джульетту», мой последний артистизм угаснет.

– Глафира! – строго прервал ее гражданский муж. – Мастерство не пропьешь! Золотая истина! А твоя пьеса... Ну что ж делать? Пока, видимо, не судьба... Да сейчас я и новый проект задумал, туда тоже... деньги нужны...

– Как новый?! – охнула Глаша. – А как же старый, мой то есть?! Ты же сам понимаешь, вдруг пьеса понравится, так мы и на этом сможем зарабатывать! Я таких-то пьес знаешь сколько настрочить сумею! Может, это мое призвание? Ты же обещал! А теперь – новый проект...

Глаша была раздавлена! Будущее ее пьесы погибало на глазах...

И снова Рудольф нашел нужные слова. Нет, он не слова нашел, он просто правильно думал! И делал все тоже правильно!

– Глашенька... – обнял ее муж и привлек к себе. – Ну чего ты разошлась, дурочка? Ты только послушай, какой проект-то? Сначала я ставлю классических «Ромео и Джульетту», по Шекспиру, и тут же, сразу – фигась! Обрушиваю на зрителя твою пьесу! Ведь у нас же теперь про настоящих-то этих ребят, ну, про Монтеки и Капулетти, уже никто ничего и не знает! Не читают наши зрители классику! И чего будет стоить твоя пьеса, если они не знакомы с оригиналом? А тут, представь, Шекспир, любовь, трагический конец, зрители плачут, требуют продолжения... И тут-то твой выход! Триумф обеспечен! Ну?

Глаша слушала Рудика как завороженная. Ну какой молодец! Все продумал! И в самом деле, кто сейчас читал шекспировскую историю про двух влюбленных? Вон, эта... Снежная королева, вроде бы уже возраста такого, что все должна была успеть перечитать, а тоже – глаза вытаращила и даже не знает, детективы пишет Шекспир или в «Известиях» печатается. Нет, Рудик у Глаши просто золотая голова! И как же славно, что именно он ей встретился! Вот ведь сколько есть приятельниц у Глаши, все жалуются, что им с мужьями даже поговорить не о чем, живут бок о бок, а общих интересов нет. Да каких там интересов, тем для разговора и тех не имеется. А у них! Каждый вечер рты не закрываются! А все потому, что родственные души!

– ...Ты бы со смеху умерла! – рассказывал ей Рудик о репетиции. – Сегодня мы обсуждали роли на этот новый спектакль, надо было видеть, что творилось! Главное, на родительские роли ну никого не затащишь! Даже наш Игнат Борисович и тот, робко так, тихонечко, меня в бок толкает и спрашивает, чтобы никто не слышал, а нельзя ли его под Ромео загримировать?

– Так у него ж борода до пупа! – хохотала Глаша. – Совсем уже!

– Я ему и говорю, дескать, Игнат Борисович, не богохульствуйте, меня ваша старуха не поймет!

И опять Глафира не могла насмотреться на своего Ромео. А он взахлеб передавал ей, как Верблюдовская метила в главные героини, как пыталась доказать, что ей вовсе не пятьдесят четыре, а всего лишь сорок пять. В общем, с этими актерами давно пора переименовываться в Театр сатиры.

– А кто Ромео? Ты? – спросила у мужа Глаша.

– Ну а кто? – вздохнул Рудольф. – Я уж смотрел-смотрел... Ни одного подходящего актера. Да ладно, я и сам сыграю, но вот мою возлюбленную... прямо хоть из театра Пушкина кого приглашай. Так ведь не пойдут или цену заломят, мало не покажется. Придется еще думать...

– Для главных героев у нас вообще никто не подойдет, – задумчиво качнула головой Глаша. – Тебе надо взять ребятишек из детской театральной студии, вот это будет спектакль! Там сразу можно и Ромео, и Джульетту подобрать, представь – молоденькие, хорошенькие, сильные, со звонкими трепетными голосами... Кого хочешь проймет!

– Да ты издеваешься, что ли? – вскинулся супруг. – Меня ведь посадят! За развращение малолетних! Там же... там же у меня постельные сцены! Придумала она тоже!

– Что там у тебя? – набычилась Глаша. – Ты откуда эти сцены выкопал?! Какие такие постельные?! Это, получается, детей, значит, развращать нельзя, а самому развращаться можно?! Тогда... даже нечего думать! Джульетта или я, или наша Анфиса Аркадьевна!

– Но ей же шестьдесят семь лет! И она на одну ногу припадает...

– А если будет кто другой, тогда ты у меня на обе ноги припадать начнешь! – рассвирепела Глаша. – И еще он думает, кого б из Пушкина в постель затащить!!!

– О боже, за что ты посылаешь мне одних идиотов?! – рявкнул Рудольф и пошел на кухню доедать окорок.

На следующий день Глафира шла на работу с некоторой опаской: вдруг кто-то из знакомых начальницы тоже слышал, как Глаша плакалась, что ее вытурили из родной библиотеки. Но Зинаида Васильевна встретила сотрудницу как обычно: без особых восторгов, но и без лишних сердечных приступов. Посетители на этот раз были. К Глаше даже записалась парочка студентов и приходил старичок со второго этажа посмотреть периодику за восьмидесятые годы. День прошел бы тихо и спокойно, если бы в обед в читальном зале не появился угрюмый Ромео Писитдинович.

– Вот, – молчком протянул он ей грязный кулак. – Я бутылки сдавал, осталось... Хлеба можно купить... Вон там, за углом, дешевый, просроченный продают.

Этот дворник никогда особенной словоохотливостью не отличался, так что обычно Глаша понимала его с трудом, но сейчас сообразила быстро.

– Ромочка! Ну что вы! Спасибо, не надо! Я хорошо питаюсь, – торопливо прошептала она, боясь, что услышит Зинаида Васильевна.

– Нада! – упрямо гнул свое Ромочка и настырно пихал Глаше в руки грязный кулак. – Сухарь можешь купить. Манька не знает!

– Да нет, у меня всссе ессть! – шипела Глаша и воровато оглядывалась. – Спасибо, говорю же вам, но... уберите немедленно!

– Нет! Это ты поглянь, чо творят, а!!! – не заставила себя ждать Манька. – Ну ить прям на рабочем месте! Можно сказать, на книге Пушкина! Романтики, мать их!!! И куда ж токо твое начальство глядит, стерва ты такая?!

Она расходилась все больше и больше, а у Глаши, как на грех, в зале сидели читатели, и ей безумно хотелось провалиться сквозь землю. Но провалиться никак не получалось, и тут неожиданно проявил себя Ромео Писитдинович. Он вдруг собрал брови на переносице и грозно рыкнул на супругу:

– А ну! Молчать нада! Кому сказал! Ишь какая! Домой!

Манька поперхнулась словом, потом быстро закивала и стала пятиться задом, не забывая тащить за собой муженька.

– Пойдем, Ромочка... Чего уж ты так-то? Домой так домой, разве ж я супротив когда была?

Уже у дверей она показала Глаше увесистый кулак:

– У-у! Злыдня! Я те вечером-то волосья повыдергаю!

Глаша с облегчением выдохнула, быстро поправила кофточку и нацепила на лицо жиз-неутверждающую улыбку.

– И чего? – осторожно выглянула из-за двери Зинаида Васильевна. – Ушли они?

Глаша равнодушно, словно ничего и не произошло, кивнула.

– Нет, Глафира, вот ты мне скажи... – уже смелее продвинулась вперед начальница. – А чего этот наш сторож все к тебе липнет? Я приглядываюсь к тебе, приглядываюсь... Вроде бы ты и глазами не стреляешь, юбки короткие не надеваешь... Господи, да откуда у тебя короткие юбки? Но отчего же он так вокруг тебя и вьется, так и лезет нахрапом! Что ему, красивых женщин не хватает, что ли?

Глаша даже обиделась, получается, на нее какой-то дворник, и тот посмотреть не может!

– Не знаю, чего ему надо, – неохотно проговорила она. – Вы же знаете, я себя чту. У меня вон какой муж – красавец, талант! А уж как меня любит! Просто непонятно, на что бедняга дворник надеется?

– Вот и я думаю, зачем липнет, – все еще размышляла Зинаида. – С мужем-то как раз понятно – ему жить негде, но у этого-то! у него ж своя жилплощадь...

Глаша не стала отвечать на мелочные нападки начальницы – что поделать, женский век короткий, и у Зинаиды он давно уже истек, начался век старухи! Да она вообще с таким характером наверняка и родилась бабкой!

Глаша выдавала книги, заводила формуляры, а у самой перед глазами стояло лицо Рудольфа. Как он хмурится, как улыбается, как думает... Что же ему вечером эдакое приготовить! Капусту потушить, что ли? У них еще осталось полкочана. Все, что вчера принесла Галка, Рудик наверняка съел, он же целый день дома. Или не капусту. Можно картошку отварить, а потом в духовке обжарить и салатик сделать... из лука и зеленого горошка, вроде бы Галка вчера приносила его. Горошек-то Рудик, наверное, не умнет.

Так в думах о пропитании и прошел остаток рабочего дня. А вечером, когда Глаша уже закрывала библиотеку, к ней неожиданно кинулась Манька.

Глаша от испуга даже собралась заголосить, но Манька вдруг подскочила ближе, ухватила ее под руку и доверительно затараторила:

– Я ить тоже твою-то заву не слишком уважаю, но уж никак не знала, что она аспид! Да чего ты ногами-то тормозишь, пойдем к нам, у меня к тебе... Пойдем, чего скажу...

Спорить с Манькой при ее весовых категориях было нежелательно.

– Маш, только если недолго, – на всякий случай предупредила Глаша. – А то я спешу.

– Да чего ж долго, совсем быстренько! У меня уж и готово все!

Манька притащила Глафиру в свою квартиру на первом этаже, насильно втолкнула ее в ванную, подала полотенце и терпеливо стояла рядом, ожидая, когда гостья помоеет руки. Глафира же никак не могла понять, что от нее хотят. Никак чета дворников решила в обход заведующей взять книжку из библиотеки.

А между тем по всей квартире разливались пряные ароматы – у Глаши даже защекотало в носу и громко заурчало в животе.

– Вот, а я что говорю! – бесцеремонно ткнула ей пальцем в область желудка Манька. – Идем.

Она повела гостью на кухню, и здесь все стало ясно. Глашу позвали, чтобы накормить, напоить и не дать ей погибнуть голодной смертью.

– У нас-то тоже... разносолов не больно много, – гостеприимно засуетилась Манька возле стола, подталкивая ее к стулу. – Но чем богаты... Садись, бери хлебушек вон... накладывай... Да я и сама наложу... Ромочка, ты налей ей с устатку, чего ж как нелюди...

Судя по накрытому столу, дворникам жилось неголодно. В центре стоял исходивший ароматами здоровенный чан с пловом, на большом блюде лежало жареное мясо, рядом, в тарелке, – всевозможная зелень, тут же стояли плошка с маслом и еще несколько дивно пахнущих неизвестных Глаше кушаний.

Во главе стола молча восседал хлипкий Ромочка и с важностью императора тер бутылку водки чистым полотенцем.

– А... чего это вы? – смутно догадываясь о причине своего здесь появления, растерянно спросила Глаша. – Я не голодная, я дома поем... Меня муж ждет. Я и ужин сготовила уже, еще вчера!

– А и пускай ждет! – торопливо махнула пухлой ручкой Манька. – Хрен ему, а не ужин! Я б такому-то и стакан воды не подала! Это ж надо, жену вытолкать на паперть копейки собирать! Ни стыда у него, ни совести! Ешь, Глаша. Нет, погоди-ка, сначала давай выпьем, чтоб аппетиту-то побольше было. Хотя у тебя-то, небось, этого аппетиту... Ромочка, ну, разливай!

Хозяева быстренько опустошили рюмки, и Ромео неторопливо подал бутылку Маньке. Та сунула водку в холодильник и лихо заработала вилкой.

– Мне-то как седни Ромочка сказал, что тебя видал возле магазина-то, – ни на минуту не умолкала хозяйка, – так ить не поверишь, я индо прослезилась вся! Это ж, думаю, как надо довести интеллигентного работника, чобы он попрошайничать уселся! Ну и кто после того ваша Зинка? Да змеишша она, больше никто! Чего не ешь-то, ешь, сейчас ишо подкладу...

– Да я... Маша, я ведь и в самом деле не хочу, – решительно попыталась воспротивиться Глафира. Но на ее решительность тут попросту плевали. Да и запахи сделали свое дело – Глаша и сама не заметила, как рука потянулась к вилке.

– А я ить ишо думаю, чо эт она к тебе все время прицепляется, Зинка-то! – тараторила Манька. – Может, ты работать не умеешь, плохо трудисся? Потом гляжу – точно, плохо, люди-то совсем не ходют! Ну дак а как тут работать-то, когда вон у тебя как живот грустит, я ж слышала!

– Маша, тут дело вот в чем... – попыталась объяснить Глаша, но та ее слушала вполуха. – Маша... и вы, Роман, вам, конечно, большое, огромное спасибо за угощение, но только... Я ж ведь вчера почему возле магазина сидела...

– Так с голоду ишо и не туда сядешь! – отмахнулась Маруся, и Глаша бросила все попытки объясниться.

Ужинали они долго. И за все время Ромео ни проронил ни слова. К удивлению Глаши, бутылка больше не доставалась, видимо, здесь пили строго отведенную норму.

Когда тарелки наконец опустели, Глаша опять почувствовала себя неловко. Сразу уходить было некрасиво, а дальше рассиживаться она просто не могла – дома ведь и в самом деле ждал голодный Рудик.

– А давайте я вам посуду помогу помыть, – не зная, как еще отблагодарить хозяев, предложила Глаша.

– Нет уж, это я сама, – отстранила ее Маруся. – Ты теперь домой беги, а то тебя и правда потеряют, а завтра опять к нам приходи, тебя-то мы прокормим, все одно дворовым жучкам выбрасываем.

– Спасибо, – пролепетала Глаша и направилась к выходу.

Ромео только кивнул головой, а Манька проводила гостью до двери и в благодарность за то, что Глаша вела себя с Ромочкой прохладно, чуть не кинулась по старой русской традиции ее целовать.

Домой Глаша почти бежала. Рудик точно знал, когда она возвращается с работы, и к этому времени даже успевал руки помыть – так ждал ее прихода и ужина. Страшно подумать, как будет гневаться любимый!

Любимый не гневался. Это Глаша поняла, еще только зайдя в прихожую. В комнате раздавался веселый голос мужа и чье-то кокетливое хихиканье.

– Галка, ты, что ли? – крикнула Глаша, несмотря на уверенность в том, что невестка никогда не станет заигрывать с ее Рудольфом, а скорее согласится онеметь. – Рудик! Кто у нас?!

Она заглянула в комнату и вытаращила глаза – в кресле сидела прекрасная незнакомка, которую Глаша уже успела окрестить Снежной королевой, а перед ней стоял, размахивая книгой, Рудольф. Он сегодня был как-то особенно подтянут, строен и даже причесан на особый лад.

– Рудольф! Ну чего ж ты гостью чаем не напоил? – укорила его Глаша и мило оскалилась гостье. – Здрассьте...

– О-о-о-й! Кто к нам пришел! – радостно пропела красавица и спросила у Рудика, как у старого знакомого: – А это ваша жена, да?

– Это – Глафира! – воскликнул Рудик и повернулся к супруге. – Глафира, знакомься, это – Мика! Наша новая знакомая! Она тебе тут что-то принесла, и вот я... некоторым образом... скрасил ее ожидание.

– Мика? – моргнула Глаша. – А что это за имя такое?

– А, обыкновенное, – весело отмахнулась гостья. – Микаэлла Ангарова, но можно просто Мика, вот так.

– Какое имя красивое, – задумчиво проговорила Глаша, тут же, впрочем, стряхнув с себя задумчивость и вспомнив о правилах гостеприимства. – Вы посидите, а я сейчас чаю... Я быстро.

– Да можно и не только чаю, – подал голос Рудик. – Мы бы с Микой и от бутербродов не отказались, правда же?

– От бутербродов? Не отказались бы, точно! – шаловливо блеснула глазами Микаэлла. – Особенно если с ветчиной! А сверху сыр и то-о-о-ненький листик салата!

Глаша озадаченно крикнула: какая, к черту, ветчина! А тем более сыр с тоненьким салатом! Она только капусту сегодня может потушить или, на крайний случай, картошку пожарить! Откуда ветчина? А Рудик... Взял и подставил ее!

– Мика, бутерброды долго готовятся, так что я пока только чай, – улыбнулась Глаша и подмигнула. – Да и вечер уже. Я, например, на ночь не наедаюсь, потом никакими диетами лишние килограммы не выбьешь! Мика, вам, наверное, и чай без сахара?

– Ну, если никакими диетами... – и не думала огорчаться Микаэлла. – Давайте вашу воду!

– А я не тороплюсь, я подожду бутербродов, – рассерженно засопел Рудик и гневно сощурил глаза. – Уж будь добра, сделай побыстрее.

Но Глаша решила развлекать гостью сама, поэтому уселась с чашкой чая на диван, угостила чаем Мику и очаровательно улыбнулась мужу:

– Иди, Рудик, сделай себе сам, с чем хочешь. Можешь с ветчиной, можешь с сыром, а можешь и кусок семги на хлеб бросить.

– О! И мне семги! – подскочила Мика. – Только с то-о-о-оненьким листиком салата.

Рудольф выбежал из комнаты и очень скоро вернулся с двумя ломтями хлеба. Один кусок был скупо помазан маслом, а на другом лежало масло горочкой. Рудольф глянул на куски и протянул гостье тот, где было меньше масла.

– Это что? – не решилась взять угощение Мика. – С-спасибо... Я как-то...

Рудольф покраснел, как свекла, и набросился на свой кусок.

Видя, как вонзаются крепкие зубы в несчастный хлеб, Мика ухватила за щеки руками:

– Боже мой! Как же я... Вы же голодающие!!! Точно! Вот вы! – она ткнула пальцем в Глашу. – Вы же вчера сидели возле магазина с протянутой... коробкой! А вам туда даже никто ничего не бросал! А я про семгу! Господи, какой стыд! Конечно-конечно, вы жуйте, мне ничего не надо! Я не могу отбирать последнее...

– Да что вы! – с набитым ртом махнул рукой Рудик. Но потом все же прожевал и заговорил уже как истинный работник культуры, без лишних помех во рту. – Да что вы, Микочка! Мы вовсе не голодаем! Ну с чего вы взяли? Это Глафира проходит у меня стажировку!

– Стажировку? – выпучила накрашенные глазки красавица. – То есть... потом она там будет сидеть уже как мастер, да? И собирать только доллары... или евро?

– Нет, здесь все не так, – весело расхохотался Рудольф. – Глаша рвется играть в театре. Но у нас же, пардон, не школьный кружок! У нас – искусство! Понятное дело, что человек просто так не сможет прийти к нам и играть, грубо говоря, Офелию! Ну как я могу ей дать роль, допустим, королевы Маргариты?!

– Ну да... – закивала головой Мика. – А вот после того, как эта ваша Глаша посидит нищенкой... что, тогда она сможет играть королеву?

Рудольф самодовольно улыбнулся, посмотрел на Мику своим чертовски хитрым взглядом и резко щелкнул пальцами:

– Вы меня не раскусили! А ведь здесь кроется крошечная тайна!

И Мика, и даже Глаша смотрели на Рудольфа во все глаза – он был настоящим актером и умел держать зал.

– Милая Мика, – чуть надменно усмехнулся Рудик. – Здесь дело вовсе не в нищенке! Вопрос – сумеет ли Глафира перевоплотиться в другого человека! Конечно, в рыночную торговку или, скажем, в соседку с верхнего этажа – это ведь раз плюнуть, а вот так, чтобы вынести себя на суд незнакомых людей! И чтобы эти люди тебе поверили! Перебороть стыд, дискомфорт, холод даже! Вот в чем испытание! В данном случае деньги были лишь подтверждением доверия! Я бы сказал, актерского мастерства Глаши! Теперь, конечно, можно попробовать сыграть и королеву, но ведь Глафира не умеет ничего того, что должна уметь светская дама. Ни ступить, ни молвить. Я бы с радостью отдал ее в хороший дом, чтобы она научилась манерам, чтобы... Ой, да что об этом говорить, – и он огорченно махнул рукой, – кто ж ее возьмет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.